

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В тургеневском романе «Отцы и дети» феномен нигилизма рассматривается объемно. Автор, как и подобает классику, поднимается до широких обобщений. С одной стороны, он вписывает нигилизм в парадигму отрицательства, имеющую древние корни, с другой – противопоставляет отрицательству (и его новоявленной форме – нигилизму) то, что условно называется «вечными» ценностями. К ним Тургенев относит традиции конструктивного строительства отношений.

Главный герой романа «Отцы и дети» – существо особой породы. Он нигилист. Тургенев не понаслышке знал, с кем имел дело, когда вывел на сцену Базарова: ведь на рубеже 50 – 60-х гг. XIX в. нигилизм был модным поветрием в среде образованной российской молодежи, да и для немалого числа людей постарше он обладал притягательностью. Такое единение части «отцов» и «детей» на почве мировоззренческой деструктивности объяснялось социальной нестабильностью, вызванной активными социальными реформами, вершиной которых стала отмена крепостного права.

Истоком идейного радикализма выступал радикализм социальный. То обстоятельство, что в тогдашней России нигилистов было немного, с лихвой компенсировалось их революционной решительностью, не имевшей даже декларативно очерченных границ. В своих ниспровергательских устремлениях нигилисты могли далеко зайти. А если учесть неизбежное появление у них идейных попутчиков и политических союзников, то угроза российской государственности оказывалась вполне реальной.

Императивом выживания страны и народа в ту эпоху был лозунг «Стоп, революция!» Не провозглашенный в явной форме, он нашел свое воплощение в конструктивных охранительных усилиях, предпринятых представителями различных слоев российского об-

щества. Свое веское слово сказали и писатели-классики. Трое из них в течение пореформенного десятилетия создали великие романы, в которых заявили о бесперспективности и крайней опасности подражания западным социальным образцам, а также о коварстве и губительности чужеземных социальных рецептов. Тургенев с романом «Отцы и дети» (1862) был первым в этом ряду. Затем последовали «Преступление и наказание» (1866) Достоевского и эпопея «Война и мир» (1869) Толстого.

Роман «Отцы и дети», как и подобает выдающемуся художественному произведению, не загроможден сложными политическими деталями и вместе с тем не лишен их. Тургенев, конечно, учитывал требования цензуры, однако это не снизило художественный уровень его текста. Зато смещение акцента с критики революционности на развенчание нигилизма положительно отразилось на идейном содержании романа «Отцы и дети». Его автор повел разговор не только об определенной общественно-политической ситуации (предреформенном состоянии российского общества), но и через ее воссоздание перешел к обсуждению более широких проблем, не привязанных к конкретной эпохе.

В романе передана духовная атмосфера накануне упразднения крепостничества. Запечатлевая образ Базарова-нигилиста, Тургенев неоднократно и многими штрихами обозначает властность своего героя. Тот, будучи разночинцем, вынужден самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни. В предреформенных условиях эта необходимость сопряжена с усилением межсословного противоборства, в котором воля к власти играет роль едва ли не ключевого инструмента.

Фундаментальные жизненные установки наложили свой отпечаток на внешность Базарова. Вот как автор описывает его лицо: «Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум» [1, с. 11]. Видно, что молодой нигилист привык повелевать и вызывать преклонение перед собой.

Сразу после приезда в имение Кирсановых Базаров начинает соревнование в силе характера: выдержав паузу, пожимает протянутую руку хозяина, Николая Петровича. Тот еще ничем, кроме гостеприимного радушия, не обнаружил себя, а уже получил толику презрения, поскольку «провинился» перед нигилистом тем, что аристократ. Свое разночинство сын уездного лекаря выставляет несомненной доблестью и основанием для превосходства над окружающими. Он снисходителен и добродушен, если имеет дело с дворовыми и крестьянами, но с теми, кто выше его по социальному положению, держится подчеркнуто высокомерно: они для него «аристократишки», «барчуки проклятые».

Базаров даже свою полуизношенную одежду, пресловутый балахон с кистями, который именует «одёженкой», делает частью нигилистического «имиджа»: смотрите, мол, я настолько поглощен важными проблемами и настолько выше вас, что достиг полного безразличия и к тому, что небогат, и к тому, как выгляжу.

Примечательна речь Базарова: хлесткая, саркастическая, оснащенная гвоздевыми афоризмами. Она отличает человека, призванного и жаждущего властвовать. Базарову присущ запелляционный и наставительный тон. Отдельные базаровские выражения сделали бы честь заправскому сочинителю сардонических сентенций: «Русский человек только тем и хорош, что он сам о себе прескверного мнения» [1, с. 43], «Рафаэль гроша медного не стоит» [1, с. 42], «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» [1, с. 28], «...свободно мыслят между женщинами только уроды» [1, с. 71].

От иных афоризмов нигилиста веет скукой, тоской и бездушием: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [1, с. 43]. Здесь, как и в большинстве категоричных утверждений персонажа, содержится логический изъян (впрочем, подобные высказывания плохи не категоричностью, а дефектами логики). Базаров разрывает надвое органичное единство эстетического и утилитарного и догматически противопоставляет друг другу образовавшиеся половинки. Он глух к эстетическому и абсолютизирует утили-

тарное, и на этом основании считает неправым всякого, кого восхищает красота природы и красота вообще.

Гипертрофированное самомнение и привычка ставить себя в центр мироздания входят в противоречие со стремлением Базарова (скорее декларативным, нежели искренним) послужить общественному благу и становятся источником его тупикового одиночества – неизбежного бремени эгоцентризма. Однако эгоцентризм главного героя слишком ярок и нетривиален. В нем содержится предпосылка трансформации Базарова, обладателя «онегинского» имени, в «лишнего человека». Критика Базаровым окружающих, ниспровержение их ценностей введутся с позиции, которая во многом, но не полностью совпадает с доктриной нигилизма и сопряженными с ней утилитаризмом и прагматизмом.

Кстати, последовательный нигилизм невозможен; его адепты скатываются в абсурд. Такой казус происходит с Базаровым (фамилия – от просторечного глагола «базарить», т.е. болтать попусту), когда он говорит, будто отрицает все. Но высказывание «Я отрицаю все» является позитивным: оно представляет собой утверждение, а не отрицание. Чего хотел Тургенев, приготовив для своего героя логическую ловушку? Если здесь таился решающий логический аргумент против нигилизма, то первым и больше всех был уязвлен Базаров.

По воле автора базаровские взгляды характеризуются эклектичностью и сумбурностью. Этим прежде всего обуславливается избыточная экспрессивность их подачи. Главный герой озабочен достижением психологической доминантности над своими оппонентами, что побуждает его предпочитать аргументы души аргументам разума, т.е. жертвовать логикой рассуждений ради пирровой победы в словесных перепалках.

Должно признать, что, изобразив Базарова таковым, Тургенев поставил себя в сложное положение. Непросто ответить, как он относится к своему герою. С одной стороны, очевидна авторская симпатия к нему. Базаров – далеко не положительный персонаж, но он обаятельнее прочих персонажей. С другой стороны, роман по-

священ развенчанию нигилизма. К его носителям автор не знает пощады, и тут Базарову адресуется множество жестоких упреков, а в итоге выпадает смертный жребий.

Почему Тургенев наделяет обаянием главного героя и вместе с тем делает его главной мишенью для стрел? Секрет кроется в предельно сложной для литературы и искусства проблеме «лишних людей». Могучий талант и художническое чутье велят автору «Отцов и детей» дорожить явленной в образе Базарова предпосылкой превращения в «лишнего человека». Но эта же перспектива страшит Тургенева, как страшила она и других его великих предшественников. И он расправляется с Базаровым, причем суровее, нежели Грибоедов с Чацким, Пушкин с Онегиным и Лермонтов с Печориным.

Базаровский нигилизм (у прежних «лишних» столь вопиющих идейных заблуждений не имелось) выступает в качестве предлога к этой расправе и обеспечивает ей статус справедливого возмездия. Мнимого, смеем заметить, предлога, но таково искусство: будучи искусным, оно не может не быть искусственным. В итоге Базаров, удостоенный, в отличие от Чацкого, Онегина и Печорина, авторской иронии, умер, не превратившись в философа, а литература, воспарив к зыбкому рубежу, отделяющему ее от философии, отшатнулась от него и выжила. Считать ли Тургенева очередным после Грибоедова, Пушкина и Лермонтова спасителем литературы или их творчество нужно отнести к разряду ее недосягаемых вершин и, следовательно, знамений ее заката, – вопрос почти риторический.

А теперь определим принципиальные нюансы базаровского нигилизма. Разумеется, мы не поверим заявлению главного героя «Отцов и детей» о том, что он отрицает все. Ведь его поведение и реплики свидетельствуют о признании им практической пользы. Следовательно, он, как минимум, является утилитаристом, а это уже нечто утвердительное.

Также ему не чужда практическая деятельность. Он лечит крестьян и постоянно чем-то занят в имении Кирсановых. Правда, плоды его деятельности трудно назвать выдающимися, но на то он

и Базаров, чтобы больше «базарить», чем достигать положительных результатов.

Не будем приводить внушительный список того, что Базаров не может отрицать уже по факту его принадлежности к человечеству. Он ведь живет, дышит, питается и т.д., а значит, не отрицает жизнь, дыхание, питание и прочее. Нам интересно, что конкретно отвергает нигилист. При этом часто придется закрывать глаза на декларативность его отрицания.

У нигилизма главного героя есть несколько приоритетных сторон.

Во-первых, эстетическая. Наш нигилист признаёт бесполезными и ненужными красоту природы, поэзию, музыку, искусство в целом. Можно сказать, что это дело вкуса, но правильнее будет уличить Базарова в эмоциональной черствости, если не в бездушии.

Во-вторых, социально-политическая. О ней Тургенев говорит глухо, вполнамека, но нам-то ясно, что это делается в обход цензурных препятствий. Базаров готовит себя в политические вожди. Он выступает против российского самодержавия и некоторое время готовится участвовать в его свержении.

В-третьих, психологическая. Базаров отрицает любовь, родственную привязанность, дружбу, теплоту отношений в целом. И не замечает, как становится на путь саморазрушения.

Мировоззренческая позиция Базарова способствует оскудению его индивидуальности. В конце концов он из нигилиста превращается в призрачную копию «лишнего человека». Нигилизм настолько выжиг его изнутри, что в небогатой галерее «лишних людей» Базаров выглядит чужеродным. К финалу романа он истребил почти все вокруг себя и поэтому пребывает в угрюмом и бесплодном одиночестве.

Авторская установка на разоблачение нигилизма и нигилистов тесно сопряжена с названием романа. Оно является многозначным. Однако это не означает, что в нем отсутствует главный смысл. Смысл названия тургеневского романа не сводится к конфликту между поколениями. Ведь, во-первых, им не охвачены многие сюжетные линии произведения, а во-вторых, на стороне «детей» в

этом конфликте, кроме Базарова, по сути, никого нет. Но этот оттенок смысла названия романа наличествует.

Союз «и» в названии романа имеет не только противопоставительную, но и объединительную семантику. В «Отцах и детях», помимо разобщения поколений, отображено их единение. Правда, в него не вписываются главный герой и ряд второстепенных. Но и данный оттенок смысла названия романа присутствует.

Если же обратиться к содержанию романа, взятому в его полноте, то на первый план выйдет конфликт «вечных» и преходящих ценностей. «Вечное» и преходящее – вот что прежде всего означает название «Отцы и дети». При этом в категорию «детей» так или иначе попадает каждый персонаж, независимо от его возраста. Защищать точку зрения, условно поименованную «отцовской», автор поручает себе. Он не противопоставляет поколения друг другу, а подходит к ним с позиции верховенства «вечных» ценностей. К их числу в романе, как и в действительности (Тургенев – реалист), принадлежат ценности человеческих отношений: любовь, родственные узы, дружба и т.д.

Смысл названия романа напрямую соотносится с развенчанием нигилизма не столько в его социально-политическом, сколько в индивидуально-психологическом и мировоззренческом аспектах.

В уже рассмотренном эпизоде романа, когда Базаров унизительно для Николая Петровича помедлил с ответом на его рукопожатие, перед нами по одну сторону находятся ценности нигилизма, а именно сословное чванство, а по другую – отринутые «вечные» ценности: уважение младшего по возрасту к старшему, гостя к гостеприимному хозяину, друга к отцу друга и, соответственно, к самому другу.

Неправота Базарова налицо. Он предстает не исключительным, а вполне заурядным и нравственно низким человеком. А через помещение его поступка в соответствующий контекст тонко дискредитируется нигилизм.

Вывод, к которому подводит читателей автор: не важно, к какому поколению ты относишься и какое место в общественной

иерархии занимаешь, – важно, какой ты человек. Этот вывод служит критерием авторской оценки главного героя – Базарова. Тем самым отправные предпосылки базаровского нигилизма Тургенев сопоставляет с «вечными» ценностями. И показывает, что убеждения Базарова не выдерживают проверки этими ценностями даже в простой бытовой ситуации.

В рамках конфликта «вечных» и преходящих ценностей автор рассматривает соотношение вечного и современного. Современное, по Тургеневу, не тождественно модному. Модное, например, нигилизм, появляется и вскоре исчезает, а современное укоренено в вечном и только через укорененность в вечном проходит испытание временем.

Конечно, столкновение мировоззрений в «Отцах и детях» имеет и межпоколенческую окраску. Ключевые идейные противники Базарова принадлежат к поколению «отцов». Наш нигилист их долго не ищет: к кому приехал в гости, с теми и пикируется.

Николая Петровича он уничтожает одним своим видом, манерами и парой-тройкой эффектных фраз. Кирсанов-отец был обезоружен собственной душевной мягкостью, соблюдением правил приличий и императивом тактичности по отношению к гостю. Николай Петрович слышит несколько резких реплик о красоте, о чувствах, об искусстве и, хотя внутренне не согласен с Базаровым, начинает грустить. Оценив базаровский напор, прагматизм и практичность, он готов признаться в том, что отстал от времени. Эта уступка нигилизму – не в пользу Николая Петровича. Неужели ему нечего было противопоставить настырному оппоненту и оставалось лишь превратиться в его невольного и пассивного пособника? Ведь Кирсанов-отец внутренне против нигилизма.

Особенно больно Николаю Петровичу наблюдать стремление сына выглядеть нигилистом. По дороге к дому Аркадий восхищается родными пейзажами. Но едва о его восторге отзывается отец («...ты здесь родился, тебе все должно казаться здесь чем-то особенным...» [1, с. 14]), как сын напяливает на себя маску базаровца: «Ну, папаша, это все равно, где бы человек ни родился» [1, с. 14].

Впрочем, для этих героев конфликт поколений успешно разрешается: они благополучно женятся и, в общем, ладят друг с другом. Аркадий обнаруживает способности к ведению хозяйства, и от бывшего сторонника нигилизма в нем ничего не остается.

Главный враг Базарова, Павел Петрович Кирсанов, в известном смысле является его двойником. Автор с первой их встречи указывает на это двойничество через такую деталь. Приветствуя нигилиста, Павел Петрович «слегка наклонил свой гибкий стан и слегка улыбнулся, но руки не подал и даже положил ее обратно в карман» [1, с. 19]. Здесь в шаржированном виде повторяется высокомерная заминка Базарова при встрече с Николаем Петровичем. А чтобы подчеркнуть вздорность состязания в презрении, Тургенев подключает слугу Прокофьяча, который «подошел к ручке к Аркадию и, поклонившись гостю, отступил к двери и положил руки за спину» [1, с. 18]. И, наконец, ради полного унижения разночинца «Прокофьяч, как бы с недоумением, взял обеими руками базаровскую «одежку» и, высоко подняв ее над голову, удалился на цыпочках» [1, с. 18]. Авторская мораль прозрачна: не важно, к какому сословию ты принадлежишь, важно, какой ты человек.

При разительном внешнем различии между Павлом Петровичем и Базаровым много общего. Оба одиноки: у одного слуга, такой же чопорный, как он сам, у другого приятель, необходимый для исполнения обязанностей интеллектуального слуги. Оба не смогли прийти в себя после несчастной страсти к «загадным» женщинам, и оба же пытаются флиртовать с Фенечкой, не слишком стесняясь злом, которое могут причинить Николаю Петровичу.

Павел Петрович без энтузиазма участвует в общественных делах губернии; Базаров готовится верховодить нигилистами, но ему это наскучивает. Оба несостоятельны в профессиональном отношении. Кирсанов-старший – отставной военный, падающий в обморок от вида крови. Базаров лечит крестьян, однако не собирается в дальнейшем посвятить себя медицине, режет лягушек, хотя научная результативность его опытов нулевая. Кроме того, он – врач, нелепо умерший по причине пренебрежения элементарными правилами дезинфекции.

У обоих схожие отношения с людьми из простонародья. Павел Петрович наводит ужас на Фенечку, Базаров внушает ей то же чувство. Оба хвастают своим народолюбием, правда, в итоге аристократ удаляется в Берлин (подальше от любимого народа) и держит на столе серебряную пепельницу «в виде мужицкого лаптя» [1, с. 187], а разночинец после беседы с крестьянином из родительского имения достаивается такой характеристики: «Известно, барин; разве он что понимает?» [1, с. 173]. Любопытна и авторская констатация: «Увы! Презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в ссоре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...» [1, с. 173]. Свои убеждения Кирсанов-старший называет на французский манер «принсипами», а Базаров (устаами его подражателя Аркадия) – в псевдонародном стиле – «прынципами». И никто из них не слышит, как несуразно звучат их слова в полноводности русской речи.

Враждующих персонажей объединяет то, что они по сути своей – отрицатели. Базаров – идейный, Павел Петрович – фактический: ведь его «принсипы» рассыпаются как карточный домик. Взять хотя бы показное благородство Кирсанова-старшего: дуэль с Базаровым якобы из-за поруганной чести брата, а на самом деле – на почве ревности; «благородный» запрет на женитьбу Николая Петровича на «неровне», затем «благородное» разрешение на брак, когда понял, что сам не имеет шансов добиться благосклонности от Фенечки и т.п.

Таким образом, Тургенев подводит читателей к выводу: нигилизм не является проблемой «отцов» и «детей». Душевная пустота объединяет аристократа и разночинца больше, нежели их разобщают убеждения.

У Базарова предостаточно противников, но нет соратников. Вернее, их мало, и все они «картонные». Упоминаются карикатурные имена: Пьер Сапожников, Лидия Хостатова... Из действующих лиц – эмансипированная Евдокия Кукшина, сыплющая без разбора цитатами из мимолетных авторитетов и гениев, преимущественно

заграничного происхождения. И убогий Ситников, одевающийся то в русском, то в нерусском стиле и охотно соглашающийся нанести визит «презираемому» губернатору, едва узнал, что у него успел побывать Базаров.

Ситников – суетное ничтожество, именующее Базарова учителем. Казалось бы, зачем такому королю такая свита? Однако ему без нее не обойтись. И прагматичный предводитель нигилистов втолковывает Аркадию: «Ситниковы нам необходимы. Мне, пойми ты это, мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле горшки обжигать!..» [1, с. 102]. И то правда: не сам же вождь будет метать бомбы или пополнять партийную кассу – для этого пригодятся Ситниковы. А Кукшина охотно займется распространением нелегальной литературы.

В нескольких абзацах эпилога сквозит едкая насмешка над нигилистами и их несостоявшимся покойным лидером. Упоминается и Ситников. Он «готовится стать великим, толчется в Петербурге и, по его уверениям, продолжает “дело Базарова”» [1, с. 187]. Какое дело, такой и продолжатель, намекает нам Тургенев.

Искренним сторонником базаровских идей является Аркадий. Он изо всех сил пытается подражать психологически более сильному товарищу, однако вскоре обнаруживает, что на отрицании жизнь не построишь. А Базаров, убедившись, что Аркадий вышел из повиновения, расстаётся с ним. Но при этом не удерживается от запоздалых укоров (горький триумф не перестает быть триумфом, тем и влечет к себе нигилиста): «...для нашей горькой, терпкой, бо-быльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. < ... > Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает, да и ты не дорос до нас, ты невольно любишь себя собою, тебе приятно самого себя бранить; а нам это скучно — нам других подавай! нам других ломать надо! Ты славный мальчик, но все-таки мякенький, либеральный барич...» [1, с. 169].

...Какое «дело» — «других ломать»? И чье — «наше»? Базаровско-ситниковское? кукшинско-хостатовское?

Одиночество означает отношенческую ущербность. Она не всегда обусловлена субъективными причинами, однако в случае Базарова дело обстоит по преимуществу так. Он сам не только рвет отношения, но и пренебрегает их основой – чувствами. И получает неожиданный для себя ответ с их стороны. Базаров отрицает любовь – и влюбляется в Одинцову. У нее «говорящая» («ледяная» и «одинокая») фамилия, и наш нигилист проникательно сравнивает Анну Сергеевну с мороженым – вкусным, но холодным; между прочим, у ее сестры Кати фамилия Локтева, с намеком на чувство локтя, на отношенческую наполненность: на дружбу, любовь, семью.

Одинцова вышла замуж по меркантильному расчету и вскоре превратилась в богатую вдову. В отличие от Базарова, она отрицает любовь не на словах, а на деле. Базаровский двойник-оппонет в виде Павла Петровича Кирсанова в данной ситуации принимает женское обличье. «Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно, ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что ей хотелось всего» [1, с. 84], – отмечает автор, лапидарно и точно передавая симптоматику властности.

Разумеется, живущая без любви Одинцова в отношениях с окружающими – властная хозяйка имения, а с мужчинами – роковая дама. Отдадим ей должное: она не лишена утонченности, поэтому манипулирует людьми почти так же естественно, как дышит. В своей усадьбе она учредила строгий распорядок дня, удобный для нее и по-разному обременительный для других, и при помощи этого распорядка ненавязчиво подчиняет их себе.

Мужчины интересны Одинцовой как объекты властвования, поэтому она предпочитает властных мужчин. Покойный супруг был не столько исключением (потому что богатство – эквивалент власти), сколько гарантом материального благополучия Анны Сергеевны. Ее самолюбию льстит признание Базарова, но ответить на его порыв она не способна.

Эпилог сообщает о новом замужестве героини, «не по любви, но по убеждению» [1, с. 185], – не без иронии уточняет автор и тут же рисует выразительный портрет ее избранника, характеризую его

как «одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова, – человека еще молодого, доброго и холодного как лед» [1, с. 185]. Перед нами модифицированная копия Базарова, его на этот раз посмертный двойник. Анна Сергеевна не изменила себе: для нее по-прежнему «спокойствие все-таки лучше всего на свете» [1, с. 99].

Страсть Базарова к Одинцовой воспламенилась от синего пламени цинизма. Не удивительно: цинизм – обратная сторона романтизма. Сразу разглядев в роковой даме родственную душу («На остальных баб не похожа» [1, с. 69]), главный герой, вместо того чтобы обрадоваться этому исключительному обстоятельству, строит из себя естествоиспытателя, для которого интересный ему человек – лабораторный объект: «Посмотрим, к какому разряду млекопитающих принадлежит сия особа...» [1, с. 71]. А затем, пойманный в сети женского обаяния, так и не оправляется от безответной любви. Тут-то Базарова становится жалко, потому что он из нигилиста превращается в страдающего человека.

Но умирает он все же и нигилистом, и человеком. Отказывается от церковного причастия и, удалив от себя родителей, в полубреду исповедуется Одинцовой: «Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник...» [1, с. 183]. За предсмертными рассуждениями Базарова кроется авторская зашифровка. Сапожник и портной – фольклорные персонажи из детской считалочки, в начале которой упомянуты сидящие на золотом крыльце монаршьи особы. Они, по мнению главного героя, не нужны России, в отличие от представителей трудящихся сословий. Нигилистическая диверсия против фольклора (следовательно, против «вечных» ценностей) увенчивается появлением в сбивчивой базаровской речи мясника. Мясник, надо понимать, – революционер. Долой самодержавие, да здравствует революция – такова квинтэссенция российского нигилизма в его политическом аспекте.

О родителях Базаров тоже беспокоится. Напутствуя Одинцову, он едва ли не впервые находит для них теплые слова: «Отец вам

будет говорить, что вот мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разубеяйте старика. Чем бы дитя не тешилось... < ... > И мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать...» [1, с. 183].

Отношения Базарова с родителями имеют прямую связь с названием романа. Но и с ними у главного героя ничего не налаживается. Они опасаются лишней раз напомнить о себе горячо любимому «Енюшке» (как бы не разгневался), ждут его приезда как единственной радости в жизни. Но вот, с опозданием добравшись к ним, Евгений уже на следующий день сетует на то, что ему не о чем с ними говорить.

Порядки в родительском доме Базаров установил соответствующие. Занял лучшую комнату – отцовский кабинет, не оставив ее отцу и не уступив другу Аркадию. Для нигилиста почитание родителей и гостеприимство – предрассудки. Однако и в данном случае нигилизм оказывается ширмой, вуалирующей непомерное самлюбие Базарова.

Вольно и невольно родители потакают прихотям сына. Отец к его приезду спешит снять с пиджака орден, чтобы не быть уличенным в «предрассудках», т.е. в почитании властей. А ведь он получил этот орден за борьбу с эпидемией и гордится им. Но «вечная» ценность – врач спасает больных, рискуя собой, – приносится в жертву призракам нигилизма, поселившимся в сыновьей голове. Иначе строптивый «Енюшка» может рассердиться и уехать.

Не будем забывать: тургеневский роман называется «Отцы и дети»; ни один его персонаж не избежал авторского осуждения, прямого либо косвенного. Родители Базарова – не исключение. Им не близки его интересы, более того, им чужда самая суть его индивидуальности. Они видят в нем воплощение собственных весьма искаженных представлений – не реального сына, а имидж: «Енюшку», хорошего земского врача, но не нигилиста, не говоря уже о «лишнем человеке». Что это, как не вклад отцов в копилку отчуждения, в приумножении которого мы вправе упрекать главного героя? Его родители тихо, незаметно для себя и окружающих разру-

шают отношения с сыном и так же исподволь обзаваются статусом отношенческих жертв, психологически выгодным, поскольку маскирующим их душевную заскорузлость.

Критику нигилизма Тургенев мастерски сопряг с «вечной» темой жизни и смерти. С точки зрения автора «Отцов и детей», нигилист – тот, кому свойственно видеть в живом мертвое и испытывать тягу к мертвому. Базаров режет лягушек не в научных целях (о лягушках в имени Кирсановых он мог узнать не больше, чем уже было известно науке), а из любопытства, граничащего с патологией. То же любопытство подвигло главного героя на дикий заочный комплимент Одинцовой: «Этакое богатое тело! < ... > хоть сейчас в анатомический театр» [1, с. 75]. И оно же побудило Базарова напроситься на вскрытие трупа и тем самым шагнуть навстречу собственной смерти.

Апофеозом нигилизма стал могильный камень (не крест) с оградой и двумя елками, к которому приходят безутешные Арина Власьевна и Василий Иванович. Растущие на могиле цветы говорят о том, что не успело коснуться души Базарова, — «о вечном примирении и о жизни бесконечной» [1, с. 188]. Гуманистический критерий «вечных» ценностей автор в финале меняет на религиозный, показательно сближаясь с Достоевским и Толстым. Судя по такой концовке романа, лучшей альтернативы нигилизму Тургенев не нашел.

Кардинальная причина краха нигилизма – в гордыне его носителей, подчеркивает Тургенев. Отрицателями вообще и нигилистами в частности становятся те, кто считает себя выше других по биологическому, психологическому и социальному критериям. Но в итоге эта заносчивость губительна для самих отрицателей. Заметим, что такая постановка вопроса роднит роман «Отцы и дети» с «Преступлением и наказанием» Достоевского, «Войной и миром» Толстого, а также с фундаментальными традициями русской литературы.

Критику нигилизма в романе «Отцы и дети» Тургенев сосредотачивает на главном герое, показывая его несостоятельность в отношениях.

Во-первых, Базаров не сумел разобраться в себе, в результате чего он оказался яркой индивидуальностью с сильным характером без приложения этих его качеств к какому-либо делу.

Во-вторых, Базаров терпит фиаско в межличидных отношениях: любви, родстве и дружбе.

В-третьих, общественные отношения, в которых находится Базаров, также далеки от совершенства. Он не нашел точек соприкосновения с дворянами-либералами, но и единомышленники-нигилисты ему глубоко неприятны. Не ладятся у главного героя и отношения с крестьянами. Таким образом, Базаров не смог вписаться ни в межсословные, ни во внутрисословные отношения.

Человеческое «я» состоит из отношений. Их разрушение приводит к внутреннему распаду, к коллапсу души. Жить в таком состоянии можно только будучи бледной тенью себя. Но Базаров слишком ярк, чтобы опуститься до жалкого состояния. Да и авторское уважение к нему велико. Против главного героя «Отцов и детей» Тургенев использует рыцарское оружие милосердия (*miserikordia*) – и как избавление от беспрсветности нигилизма посылает ему смерть. И тем самым выносит суровый вердикт нигилизму.

Литература

1. Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / И. С. Тургенев. – М.: Наука, 1981. Т. 7.